

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 134—141.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 134—141.

Научная статья

УДК 004.8; 165.12; 608.17

EDN <https://elibrary.ru/obvwim>

DOI: 10.46726/И.2026.1.17

МОЖНО ЛИ ЛОГИЧЕСКИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ВЫРАЗИТЬ ЖИВЫМИ СЛОВАМИ? (ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЯЗЫКА)

Вера Олеговна Волкова, Илья Евгеньевич Волков

Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексева,

г. Нижний Новгород, Россия, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Аннотация. Статья создана на пересечении дискурсов разных эпох и мировосприятий. Проблема языка разрабатывалась не одно столетие. Переход к феноменологии языка обусловлен современным подходом к явлениям мира. Квантовая теория и теория относительности оказали значительное воздействие на гуманитарные науки. Чем ярче (доходчивей, проникновенней) оказывается умозрительная конструкция, тем более ясным оказывается смысл. В разные эпохи доходчивость языка рассматривалась по-разному. Логика провозгласила устойчивость логических утверждений. Они вписаны в традицию грамотной речи. Но, возвращаясь к умозрению (Логосу), живое слово охватывает и целое мировоззрение, и отдельное предложение, и отдельную часть речи. Классические дихотомии субъективное/объективное, идеальное/материальное не могут охватить многообразие состояний сознания человека и их выраженности в речи. Речевые нормы подвергаются девальвации. Живое слово заменено информацией — сообщением. Онтологический поворот означает стремление философии включить человека в реальный мир и многообразие связей и отношений в нем. Феноменология языка открывает готовую интенцию быть выражением мыслительного содержания в формировании культурного сознания (Г.Г. Шпет). Вначале редуцируются начальные предпосылки конкретного смысла, затем мышление возвращается назад — к опыту многообразия отношений внутренней жизни сознания.

Ключевые слова: язык, логика, онтология, феноменология, речь, дискурс

Для цитирования: Волкова В.О., Волков И.Е. Можно ли логические утверждения выразить живыми словами? (Феноменология языка) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 134—141.

Речь идет не о логике и ее классическом воплощении в моделях риторики, т. е. умении правильно говорить, а о том многообразии, которое позволяет себе творческий подход к окружающему миру и выражение этого подхода в языке.

Одна из главных проблем науки — это проблема наследования, выраженная «интеллектуальным метаязыком, который открыто пользуется методологическими понятиями» [Барт: 254]. Источником представления о метаязыке является предметная дифференциация знания. Так, языком пользуются все специалисты, но каждый оберегает свой терминологический аппарат — физическая терминология, математическая терминология и т. д. Но любой специалист своей области знаком с метаязыком, в котором скрываются основные структуры — методологические понятия, регулирующие комплексы предметных знаний. Гуманитарные науки обладают спецификой, связанной с обобщениями представлений об окружающем

мире. Выражение этой специфики заключается в передаче знания особым типом устойчивости — «оперирование структурой, а не мыслью о ней», как считает Р. Барт, типом человеческой практики, объединяющей вместе и аналитиков, и творцов. Специфика наследования определяется не идеями и не языками, которые используются, а «характером» или способностью воображения», т. е. способом, каким мысленно переживается структура знания и аналитиками, и творцами [Там же]. *Переживается*, т. е. вступает в отношения не только со структурой, но входит в наследование, отражая в такой практике антропологические аспекты человеческого бытия.

Структура может иметь разный состав, как поэтический, так и рефлексивный, но она являет не просто изображение объекта, но «отображение направленное и заинтересованное» [Там же: 255]. В каждом аспекте структурированного знания скрывается интенциональность (направленность) и интересубъективность (взаимный интерес автора и того, кто в этом знании заинтересован). Как интенциональность, так и интересубъективность исследуются феноменологией. Таким образом, феноменология как средство непосредственного общения (интересубъективность) отображается в проблеме наследования, которое интенционально вызывает интерес у последующих исследователей, не запрограммированных на банальное освоение современных себе технологий, а стремящихся постичь глубину наследуемого предмета мысли. С программированием «как бы заново конструируемого знания» мы имеем дело сейчас, когда цифровизация затмевает мозги исследователей, создающих интересные модели, остающиеся невидимыми и «неинтеллигибельными» в изучаемом предмете. Неинтеллигибельное, по Р. Барту, это творческое основание любой модели, которую надо сначала вообразить и только затем при продумывании довести до структуры. Это творческое занятие предполагает «промежуток» между аналитикой материала и его представлением в модели как нечто *новое*, переживаемое как новый продукт, особым образом представляемый образец интеллектуального творчества.

Работа с осознанием структуры предполагает двухкомпонентную форму. Сознание сначала определяет фрагмент действительности, аналитически ее расчленяет, затем воссоздает «расчлененное» в принципиально новом типе действия. На первый взгляд, пишет Р. Барт, такая деятельность кажется «пустяком» [Там же], но возникающий образ расшифровывает получаемую модель как «интеллект, приплюсованный к предмету», имеющий антропологическую значимость в том смысле, что он оказывается «самим человеком», его историей, ситуацией, свободой и «даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму» [Там же].

С этой точки зрения, радикальной ошибкой преподавания в высшей школе является, например, разделение философии и специальных предметов. Сознание студента (магистранта, аспиранта) оказывается в положении «между двух огней»: между профессиональным предметом и кажимой «заумью» гуманитарного знания. Интерес к философии заметно падает, так как не учитывает антропологической значимости метаязыка любого профессионального предмета.

В любом предмете скрыт метаязык, который нельзя считать «отпечатком» прошедшей предметной деятельности. «Настоящее строительство» [Там же] нового мира делает обучение интеллигибельным, моделирующимся творчеством неравнодушного человека, докопавшегося до такого метаязыка изучаемой области.

Вопрос, выведенный в название статьи, был задан аспиранткой, которая предпочла философии цифровой бизнес. Но она, думается, к философии еще вернется, так как язык философии и моделирующая предмет деятельность имеют своим источником античный *мимезис* [Там же: 255—256], т. е. строительство мира

своего знания следует вначале через подражание, а затем через творческое наследование метаязыка, помещенного в структуры знания.

История вопроса. В России проблема языка совпадает с культурным подъемом рубежа XIX—XX веков. В среде футуристов растет неудовлетворенность исторически существующим языком как языком «за-умным», зависимым от того, кто пишет историю общества и языка и формирует языковые нормы.

Футуристы отрицали современные им логические данности причины и следствия. Если причина фиксирована, то ее следствие совсем не обязательно соответствует причине. Это противопоставление существует и сейчас в изысканиях форм цифрового знания. Действительно, следствие несет в себе сомнение, выражаемое смутным предчувствием «настоящего строительства» нового мира, не совпадающего с причиной. Выражению предчувствий помогает способность к воображению и моделирование интерпретаций, высекаемых из старого «прогнившего», как считали футуристы, материала в виде новых норм языка и образов, совершенствующих способы выражения.

Рубеж XIX—XX веков был гораздо на дискуссии о том, как строить новый мир и творческую интеллигентность. В качестве примера можно привести дискуссию П.А. Флоренского и Я.И. Линцбаха о строительстве языка как основе овладения знанием.

Язык — самое глубокое из проявлений Я, без которого, как пишет П.А. Флоренский, невозможно его проявление вне себя [Флоренский: 186]. Яков Иванович Линцбах, эстонский лингвист, создает язык эсперанто — «устройство чего-то взамен языка» [Там же: 187]. Его идея состояла в создании механического инструмента в виде заучиваемых таблиц и речевых конструкций, надлежащих правил ведения разговора. Он утверждал, что язык можно создать как инструмент речи. Ему оппонирует П.А. Флоренский. Он пишет, что «мое сердце не такой удачный насос, какой мог бы придумать “взамен” механик, но мне нужно именно мое, пусть плохое, сердце, а не превосходной конструкции насос из мастерской» [Там же]. Основанием метаязыка все же служит человеческий опыт посягновения на язык как «орган нашей мысли» и попытка поставить вместо него условность, «хотя и гениально придуманную», но не связанную с нами непосредственно — это попытка «вырезать рождающиеся недра нашего духа и заменить их механизмом» [Там же: 186]. В критике концепции Я.И. Линцбаха П.А. Флоренский формулирует принцип всеобщности или ноосферности языка. Под языком понимается не только членораздельная речь. В него входит язык мимики, жестов, язык фактов, а также поверий, мифов, легенд и сказок и т. д. Но наиболее зафиксированными формами языка, гениально выстроенными Я.И. Линцбахом, является «язык письменный» и «язык рисунка». Я.И. Линцбах призывает строить новый язык без словаря и грамматики. Враждебно настроенный в отношении истории языка Я.И. Линцбах говорит, что если языки придумываются «от ума», то лингвисты и языковеды идут по ложному пути, собирая и изучая языки, а не конструируя их. Он противопоставляет этому «математическое языковедение», т. е. против «алхимии» лингвистов, он выдвигает «химию языка». Уходя от логики, Линцбах приходит к живым формам языка, основанным на хорошей памяти и умении творчески воспринимать действительность.

Он предлагает буквы заменить цифрами, сделать язык понятным даже ребенку своей простотой, какой отличаются рисунки. Такой язык основан на свободном творчестве и улавливании образов, которые неведомыми путями отображаются в языке. Только при условии запоминания знаков и таблиц.

П.А. Флоренский писал, что из любой области знания суждение выводится определением, но любое определение предполагает в себе «экзистенциальное суждение» [Там же: 209]. Оно есть суждение о существовании «того комплекса признаков, который связывается во-едино выставляемым определением» [Там же]. Попытка исключить переживаемую экзистенцию из опыта владения языком говорит о противоречии, заложенном в недра формальной логики. Построение логической фигуры не обходится без экзистенциальной интуиции, заключенной в самой возможности построения риторического комплекса. Познание связано со всей областью познаваемого. Эта связь не формально-логическая. Она описывает, если о ней задуматься, закономерности данной области, а также устойчивость, внутреннюю организованность, внутреннюю связность и единство. В каждом определении присутствует экзистенциальный фактор, т. е. логическое суждение опосредовано переживанием человека.

Определить переживание никак не удастся. И.А. Акчурина переводит переживание через границу физики, используя для этого концепцию Хью Эверетта, согласно которой мир постоянно расщепляется и каждое мгновение наблюдатель находится во множестве миров. Когда человека захватывает переживание, а тем более мечты, кажется, что это состояние эфемерно и не оформлено. Но именно эти переживания находятся в фундаменте видимого мира и составляют вполне содержательную онтологию присутствия структур, подобных квантам по своим особенностям динамики. Согласно «многомировой» интерпретации теории Эверетта-Уилера — «каждая актуализация ... дает расщепление существовавшей (до этой реализации) вселенной на две (или более) параллельные вселенные, в каждой из которых имеют место, реализованы все теоретически допустимые — вероятностные возможности. А ведь квантовая теория (вместе с теорией относительности) — наиболее глубокий и устойчивый фундамент всего нашего современного научного понимания мира» [Акчурина: 9—10].

Классические дихотомии — объективное/субъективное, материальное/идеальное — не могут схватывать специфику человеческих состояний. Составление суждений невозможно без воображающей способности, но, как говорил Аристотель, воображение не есть ни мышление, ни составление суждений [Аристотель: 430]. Даже когда нечто человеку внушает ужас, он успокаивается своими внутренними ресурсами, понимая, что ужас — это его внутреннее состояние. Воображение создает картины и человек интуитивно воспринимает всю условность создаваемого образа, страшного или успокаивающего, как границу, которую можно пересекать переживанием, а можно и не пересекать, а воспринимать образ как искусственно созданный арт-объект. Можно пройти мимо.

Современные представления о реальности допускают наличие событий, невозможных с точки зрения классической физики. Волновая функция нелокальна по пространственным параметрам и временным отрезкам своего проявления. Никто до сих пор не может установить границы ее проявленности и распространения на внешний мир.

Если есть такие феномены, которые не познаются ощущениями и не доступны должному обоснованию, то и использование категорий возможно за пределами их объяснительной функции. Сознание наблюдателя выбирает из «квантовой реальности» место локализации, в котором выполняются причинно-следственные связи и мир становится видимым и осязаемым. В концепции Эверетта все альтернативы реальны и готовы к выбору. М.Б. Менский считает, что к квантовому миру могут подключаться простейшие живые существа, не обладающие сознанием.

Ноосфера, если можно высказать такую гипотезу, как сфера разума отличается от работы сознания. В начале XX века открытие отличной от сознания формы мысли сделано в феноменологии и психоанализе. Если исключить из психоаналитических терминов объяснительную функцию, то получаются феноменальные языковые конструкции, применимые для описания состояний живого человека.

Человек же подключается к неведомому миру (ноосфере) в состоянии транса или «выключенного сознания». По М.Б. Менскому, сознание — это независимый феномен, тесно связанный с феноменом жизни [Менский: 206] Определяя культ возможности усвоения информации, М.Б. Менский пишет, что отражение информации доступно при эффекте озарения (нахождение истины в том случае, когда она не может быть выведена из информации явного сознания) [Там же: 187]. Еще один вывод, весьма важный для исследуемой темы: классический мир с его детерминациями является плодом озарения сознания конкретных людей, достигших уровня управления реальностью, о чем они в явном сознании могли и не догадываться. Чтобы понять эту мысль, достаточно обратиться к истории человеческих открытий. К сожалению, объем статьи не позволяет развернуть эту тему. Здесь о другом.

Владение языком — это не абстракция и не выдумка лингвистов, а живая стихия, в которой все живет, все движется. Слова и правила их соединения, как считает П.А. Флоренский, — это реальности [Флоренский: 159], обуславливающие работу «духа» или, в понимании многих философов, работу сознания. Выступая против лингвистов, П.А. Флоренский ссылается на В. Гумбольта, заслугой которого «было открытие тезиса о языке как энергии» [Там же], а не вещи.

Культурологический подход позволил П.А. Флоренскому определить язык как «лоно мысли человеческой», среду, в которой движемся, воздух, которым дышим. Это «душа души в нас» [Там же: 163]. Он активно использует метафорический сленг для того, чтобы подчеркнуть, как считает Г.Г. Шпет, формообразующее и организующее начало творчества внутри реальности слова [Шпет: 54—55].

Слово как феномен у П.А. Флоренского не опирается на рациональность. Наоборот, в слове язык находит музыкальность членораздельности, «завязи нового творчества» и новые способы их сочетания.

Язык налагается на человека условиями его жизни. Но появляется язык у человека тогда, когда человек «переплавляет» его в себе до «мельчайших его изгибов» и когда он «отливает» язык по себе. В каждом человеке заложена гуманитарная способность к метафорическому мышлению на уровне нерациональной интуиции отлавливания и преобразования своих интуиций в конкретные картины слов-реальностей.

Идея Вселенского Разума или ноосферы возникает в Разуме Соборном, который явился во вселенском античном Логосе как величайшем соединении индивидуального и всеобщего, проходящем сквозь различные учения, принимающем различные формы: культуры, социальности, духовности и т. д. Опять мы встречаемся с эффектами формообразования и организованности языка, понимаемого не с лингвистической, а с философской точки зрения.

Противопоставление логики и живого знания (логики и живого слова) ведет к разделению исследователей на прикрывающихся законодательством или новыми веяниями любителей создавать языки как исключительные формы знания, доступные избранным, и тех, кто утверждает, что исторические корни и народно-стихийное начало все равно сохраняются в речи, даже при полной замене его колониальными оборотами под прикрытием креативно изобретенного языка для практических нужд.

Как искусственный, так и природный языки одинаково необходимы условиям жизни людей. Поэтому исследователи языка обращаются к методологии — метаязыку. Проект создания искусственного языка стремится «растереть» в порошок употребляемый материал живого языка и обратиться к жесткой рациональности, исключая исторически оправданные языки. Но это не получается. Даже принимаемые законы о языке не могут нарушить социальное и культурное устройство человека и народа, выдающего в употреблении языка свое настоящее психоэмоциональное состояние.

Язык как феномен образования. Вначале об образовании. Долгие годы под образованием понималось обучение и воспитание молодого поколения. В качестве скрытого ресурса «образование» относилось к сфере порождения человеческого образа в интеллектуальной деятельности. Учитель всегда знал, как мыслить правильно, т. е. рационально. В начале XX века изменяется представление об ощущении мира, наполненного реальностями, несводимыми к единственному образу происходящего. Возникает поэтика языка, выходящая за пределы сознания и выводящая человека в состояние не только мысли, но и чувства особой предначертанности живого слова.

Язык невозможно сочинить, так как в нем скрыто чувство — «темное первоощущение мира», отрешенного от всех правил и выражающего «прислушивание к внутреннему прибору своей души» [Флоренский: 166]. Если П.А. Флоренский выстраивает поэтику языка, в которой скрыта его феноменология, то Р. Барт достаточно неуверенно прикасается к живому слову. Одержимость избавиться от «логического противоречия» [Барт: 462] приводит к противоположному состоянию — наслаждению языком.

История языка — это психоистория, история жизни человека, встречающегося с другими людьми в естественных для них условиях разворачивающейся ментальности. Р. Барт не уверен в том, как именовать отказ от логики при встрече с текстом — удовольствием или наслаждением.

Исторически в данной постановке вопроса невозможно обойтись без экскурса в «паранормальные», с точки зрения жесткой рациональности, состояния владения языком. Но квантовая физика и картина мира относительности позволяют выстраивать разнообразные гипотезы соотношений логики и живого языка. Язык может иметь разные формы выражения, но с точки зрения человека и истории, ортодоксальной позицией языка является *текст*.

Согласно суждениям современных физиков именно состояние владения языком сближает человека и античный Логос, Ноосферу и еще не познанные ресурсы разума. Ни один человек не может сказать, что он знает себя и свои возможности, не прикрываясь современным *джентльменским соглашением* [Бодрийяр: 163] между собой как объектом мирового воздействия и теми, кто, прикрываясь заботой об улучшении жизни людей, укрепляет свою власть над ними.

Кризис образования, науки и культуры обусловлен невниманием к процессу понимания текста. В качестве «призрака» Р. Барт называет «логическое противоречие» [Барт: 462], устранить которое старается человек как «читатель текста, в тот самый момент, когда он получает от него удовольствие» [Там же]. Живой ресурс слова возникает у пишущего текст в мгновение, когда ищется метаязык связи автора и читателя, но не «личности другого», а «пространства как возможности диалектики желания, *нечаянности* наслаждения, пока ставки еще не сделаны, пока еще есть возможность вступить в игру» [Там же: 463]. Метафора «ставки еще не сделаны» оформляет пространство отношений автора и читателя с позиции *смысла владения языком как инструментом игры во власть*.

Этот смысл скрывается в умении использовать язык как свой собственный опыт, к которому мы возвращаемся, ощутив в себе материю языка как наблюдаемый предел того, «что заключено в пределы, на границе его (языка) перехода в небытие или в другое бытие» [Шпет: 67].

«Темное первоощущение мира» П.А. Флоренского означает переход рациональных понятийных синтезов в представление «готовой интенции быть выражением мыслительного содержания» [Шпет: 67].

Человек, задавшийся целью получить настоящее образование, должен понять через наблюдение за самим собой, сможет ли он войти в сферу метаязыка и мышления обобщенными категориями, сохраняя при этом чувственную сторону образовательного процесса, заключенную в «культурном сознании» Г.Г. Шпета, — как энергию смысла, преобразующего языковой поток в «некое структурированное единое целое» [Там же: 68]. Энергия смыслового потока может быть выражена моделями разного толка — схематизацией, компьютерной графикой, математической формулой, поэтической строкой.

Список литературы / References

- Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб, 2000. С. 9—29.
(Akchurin I.A. Virtual worlds and human knowledge, *The concept of virtual worlds and scientific knowledge*, St. Petersburg, 2000, pp. 9—29. — In Russ.)
- Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
(Aristotel' Works: in 4 vols., Moscow, 1976, vol. 1, 550 p. — In Russ.)
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
(Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics, Moscow, 1994, 616 p. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол-классик, 2017. 288 с.
(Bodrijyar J. Fatal Strategies, Moscow, 2017, 288 p. — In Russ.)
- Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011. 320 с.
(Menskij M.B. Consciousness and Quantum Mechanics: Life in Parallel Worlds (Miracles of consciousness from quantum reality), Fryazino, 2011, 320 p. — In Russ.)
- Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Правда. 1990. Т. 2: У водоразделов мысли. 447 с.
(Florenskij P.A. Collected works: in 3 vol., Moscow, 1990, vol. 2: At the watershed of thought, 447 p. — In Russ.)
- Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Иваново, 1999. 308 с.
(Shpet G.G. Internal form of the word, Ivanovo, 1999, 308 p. — In Russ.)

CAN LOGICAL STATEMENTS BE EXPRESSED IN LIVING WORDS? (PHENOMENOLOGY OF LANGUAGE)

Vera O. Volkova, Ilya E. Volkov

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Abstract. The article is created at the intersection of discourses of different eras and worldviews. The problem of language has been developed for more than one century. The transition to the phenomenology of language is due to the modern approach to world phenomena. Quantum theory and the theory of relativity have had a significant impact on the humanities. The brighter (more accessible, penetrating) the speculative construction is, the clearer the meaning is. In different eras, the clarity of language was considered differently. Logic proclaimed the stability of logical

statements. They are inscribed in the tradition of literate speech. But, returning to speculation (Logos), the living word covers both the entire worldview, and a separate sentence, and a separate part of speech. The classical dichotomies of subjective/objective, ideal/material cannot cover the diversity of human states of consciousness and their expression in speech. Speech norms are devalued. The living word is replaced by information — a message. The ontological turn signifies the aspiration of philosophy to include man in the real world and the diversity of connections and relations in it. The phenomenology of language reveals a ready intention to be an expression of the mental content in the formation of cultural consciousness (G.G. Shpet). At first, the initial prerequisites of a specific meaning are reduced, then thinking returns back to the experience of the diversity of relations of the inner life of consciousness.

Keywords: language, logic, ontology, phenomenology, speech, discourse

For citation: Volkova V.O., Volkov I.E. Can logical statements be expressed in living words? (Phenomenology of language), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 134—141.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Волкова Вера Олеговна — доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия, г. Нижний Новгород, veravolkova@mail.ru, SPIN: 2836-7451

Volkova Vera Olegovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия, г. Нижний Новгород, volki@rambler.ru, SPIN: 4060-2872

Volkov Ilya Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, volki@rambler.ru